

На этой канве и строил Хлебников свое «искусство поэзии». Верленовской поэтике «намека», поэтике «невыразимого» он противопоставил поэтику полного выражения, верленовскому требованию «музыки» — «слово» в его максимальной смысловой напряженности.

Понятно, что хлебниковское «искусство поэзии» было не столько антиверленовским, сколько вообще антисимволистским. Ассоциация с верленовским «искусством поэзии» должна была указывать на принципиально-программный характер стихотворения. Достоевский, Пушкин, Тютчев, взятые на первый взгляд вполне в духе символистских рецензий, в таком контексте, с одной стороны, прямо противопоставлялись Верлену, с другой — получали иной, не «символистский», а подлинно символический смысл. Вместо алогического «выражения невыразимого» они становились адекватным выражением диалектической цельно-раздельности мира.

Хлебниковское мифопоэтическое «слово», тождественное «природе», должно было преодолеть антиномию смысла и его выражения, бывшую еще живой и плодотворной в позднеромантической традиции, но доведенную в символистской эстетике до абсолютного дуализма. Мифопоэтическая эстетика не знает проблемы выражения, поскольку весь бесконечный цельно-раздельный, гармонически устроенный, насквозь пронизанный смыслом мир и есть слово; он принципиально открыт и выразим во всей полноте, со всеми «безднами».

Проходя «сквозь» символизм, Хлебников оказывался ближе к Достоевскому, Пушкину, Тютчеву, чем к своим непосредственным предшественникам (субъективно в ранний период — даже «учителям»). К нему полностью можно отнести ироническое определение Вячеслава Иванова: Пушкин — «великий словесник, ибо убежден, что все в поэзии разрешимо словесно»²⁷.

Ни скрытый полемический смысл, ни пафос новых «поэтических убеждений» хлебниковского «заклятия собственными именами русской литературы» не были по достоинству оценены современниками. Тем не менее в историко-литературной перспективе оно находится в ряду таких принципиальных явлений, как «Пророк», «Silentium!», «Необычайное приключение».

Своеобразие, трудность и вместе с тем убедительность этого стихотворения заключаются в том, что перед нами одновременно и поэтическая декларация и поэтическая «вещь», и поэтический принцип, и его полное воплощение, и философия «слова» и сам живой организм «слова» в его противоречивом единстве. Но это самосознательное, «самовитое» слово лишь «подражает» космосу, являющемуся здесь и предметом изображения, и принципом изображения одновременно. Поэтому не только ввиду верленовского подтекста, но и по существу «О достоевскиймо...», представляющее законченный и наглядный образец интегрально-синтетического метода хлебниковской поэтики²⁸, можно рассматривать как изложение принципов «поэтического искусства» в их осуществленности. А это значит, что перед нами — объективно — модель поэтического метода и поэтической системы Хлебникова, т. е. модель его поэтического мира, вне зависимости от любых критических оценок этой поэтики и этой эстетики.

²⁷ Иванов В. По звездам. СПб., 1909, с. 161.

²⁸ См. Д у г а н о в Р. В. Два метода поэтики Хлебникова. Тезисы межвузовской научно-теоретической конференции «Проблемы русской критики поэзии XX века». Ереван, 1973, с. 45—47.